

«Огурцы в конфитюре или экологическое фермерство: почему для России малопригодны рецепты Запада?»

Каждый, кто регулярно читает финансовые газеты или еженедельные деловые новости, может сделать вывод, что долгосрочные экономические тенденции - самые что ни на есть многообещающие. Конечно, ещё имеются такие проблемы, как дефицит бюджета РФ, дестабилизирующее влияние роста цен на нефть, но для экономиста эти проблемы представляются поддающимися управлению. Даже предсказания о серьёзном глобальном спаде сменяются на позитивные обещания в долгосрочных экономическим прогнозах.

Сбор урожая. Мия Шише Коновлянин.

Однако в области фермерства, да и в целом сельского хозяйства, ситуация едва ли могла быть хуже. Все основные показатели указывают на ухудшение положения: сокращается площадь земель сельскохозяйственного назначения, засеянная земля теряет пахотный слой почвы, озоновый слой продолжает становиться тоньше, вследствие парникового эффекта происходит накопление

углекислого газа, сокращается число видов растений, загрязнение воздуха в сотнях городов достигло уровня, опасного для как здоровья, так и для сельскохозяйственных культур.

Последний месяц осени. Урожай собран. Пора подводить итоги.

Поля, некогда ярко расшитые, все больше напоминают старую циновку, о которую долго вытирали ноги.

«Дело у нас движется, но не настолько быстро, как хотелось бы». Это самая популярная сейчас фраза в устах любого хозяйственника, фермера, руководителя любого ранга.

Иногда эта фраза лжива. Чаще - отражает реальное положение вещей: не очередную стройку затеяли, а перестройку, многие оси и шипы в хозяйственных и административных подшипниках проворачиваются не со скрипом даже, а со скрежетом зубовым.

Но ворочаться надо. Иначе - обречены в лучшем случае на прозябание, и никто ничего не сделает за нас. Ни в политике, ни в производстве, ни в относительной сохранности среды обитания, заменившей нам идиллическую некогда природу.

Другое дело, что разумно было бы пересилить собственный эгоизм и поставить разумный предел «растущим потребностям» (ведь есть и, простите за каламбур, непотребные потребности), да только поставить этот предел по-человечески разумно, не волонтистски, можно лишь в том случае, если научно, философски его определить...

Да только нет, насколько нам известно, философов, что озабочились бы всерьез этой проблемой. А проблема, как справедливо заметил философ Игорь Кон, - это не синоним вопроса, это формулировка условий. Попробуем сформулировать их применительно к российскому фермерству.

Не сомневаюсь, что сегодня (как и крестьянин раньше) российский фермер - это душа нашего народа, если он не выживет, то умрет и наша земля. Поездив по областям Центрального федерального округа, я с болью в душе наблюдаю, как зарастают богатые плодородные почвы. Людей желающих держать скот, обрабатывать землю, выращивать что-то на ней становится все меньше и меньше и как следствие горожане не могут негде купить по-настоящему свежие и натуральные продукты.

В этих жестких, но точных словах - обидный, но приближающийся к абсолютной истине ответ всем нашим и их идеалистам «зеленоватого» толка. Убеждена, что очень немногие из этих идеалистов готовы (да и то скорее на словах, чем на деле) отказаться от удобств, порожденных нашей технократической цивилизацией - автомобиля, мягкого кресла в скоростном поезде, освещенных городских улиц и, пардон, теплого туалета.

Я долго думала, почему же так происходит у нас в стране и поняла, что до тех пор, пока упор в развитии животноводства, птицеводства и в целом сельского хозяйства будет делаться у нас на промышленное развитие, то качественные, не химизированные продукты мы никогда не получим.

Сегодня реальность такова, что крупные фермеры стали зависимыми и деградировали до получения дотаций от государства, их основная цель - выдать на гора массовый продукт, а качество, здоровье потребителя и ущерб природной среде при этом которого их не волнует, главное, чтобы продукта было много и он долго не портился. Такие фермеры живут как рабы, сидящие «в долговых кредитных ямах» банков, измученные постоянным повышением цен на содержание хозяйства и постоянно меняющимися требованиями надзорных организаций. Поэтому не удивительно, что их дети не хотят

продолжать дела родителей и вообще связывать свою жизнь с сельским хозяйством.

У всех в головах почему-то прочно укоренилось мнение, что занятие фермерством в России дело неблагодарное, убыточное и неэффективное. Но это не так. Если изначально правильно и грамотно организовать дело, то можно получать прибыль и развиваться. Главное, чтобы государство при этом не мешало!

Оглядываясь назад.

Проблема сельхозпроизводителей в большей или меньшей степени заботит почти каждого гражданина нашей страны. Вопросы преодоления переходного периода вызывают, скажем, прямо, противоречивые толки.

Между тем исторический опыт представляет собой неисчерпаемый источник ценнейшей информации и конкретно - исторических примеров. На их основе, можно в какой - то мере приблизиться к пониманию реформ современных, а в определенных случаях и предсказать, спрогнозировать принципиальные направления их развития в будущем. Здесь уместно добавить, что, к сожалению, ценный исторический опыт иногда остается невостребованным: мы снова и снова повторяем ошибки прошлого, чтобы наши потомки в свою очередь и в свое время забыли об ошибках наших.

История развития фермерства в России увязывается с реформами П.А. Столыпина 1907 – 1908 гг. Именно с этого времени, по сути, крепкие крестьянские хозяйства становятся массовым явлением.

Российская Империя. Начало ХХвека.
С. Прокудин-Горский

В период Столыпинской аграрной реформы был взят курс на выход крестьян из общины и «создание крепкого единоличного собственника - надежного оплота государственности». Каковы же были итоги этого аграрного курса? Историки в основном считают, что результаты были очень далеки от

ожидаемых, однако, с 1905 по 1913 гг. объем ежегодных закупок сельхозтехники вырос в 2-3 раза. Производство зерна в России в 1913 г. превышало на треть объем производства зерновых в США, Канаде, Аргентине вместе взятых. Российский экспорт зерна достиг в 1912 г. 15 млн. тонн в год. В Англию масла вывозилось на сумму, вдвое большую, чем стоимость всей ежегодной добычи золота в Сибири. Избыток хлеба в 1916 г. составлял 1 млрд. пудов. Но все же главную задачу - сделать Россию страной фермеров - решить не удалось. Большинство крестьян продолжали жить в общине, и это, в частности, предопределило развитие событий в 1917 году.

Невинные жертвы тогдашних русских бунтов, бесмысленных и беспощадных, были, самым страшным образом отомщены. Несколько скругляя исторические реалии, можно сказать, что родители жгли усадьбы в 1905-м и в 1917-м, дети получили коллективизацию в начале 1930-х, а внуки – химизацию (и кучу болезней в придачу) в 1960-1980-х.

Одним из первых декретов Советской власти был Декрет «О земле», который допускал все формы землепользования и не поощрял особо ни одной. Но постепенно в нормативных актах все отчетливей стала проступать линия на предоставление коллективным формам хозяйствования различных льгот и преимуществ и, напротив, ужесточение политики в отношении единоличных крестьянских хозяйств, которые стали рассматриваться как отживающие. Тем не менее, в Земельном Кодексе РСФСР 1922 г. было закреплено понятие крестьянского двора как семейно-трудового объединения лиц, совместно ведущих сельское хозяйство, и право общей совместной собственности его членов на имущество двора. При этом, даже лица, не являющиеся членами семьи, но совместно с другими членами семьи ведущие хозяйство, признавались членами двора, т.е. трудовой критерий был определяющим.

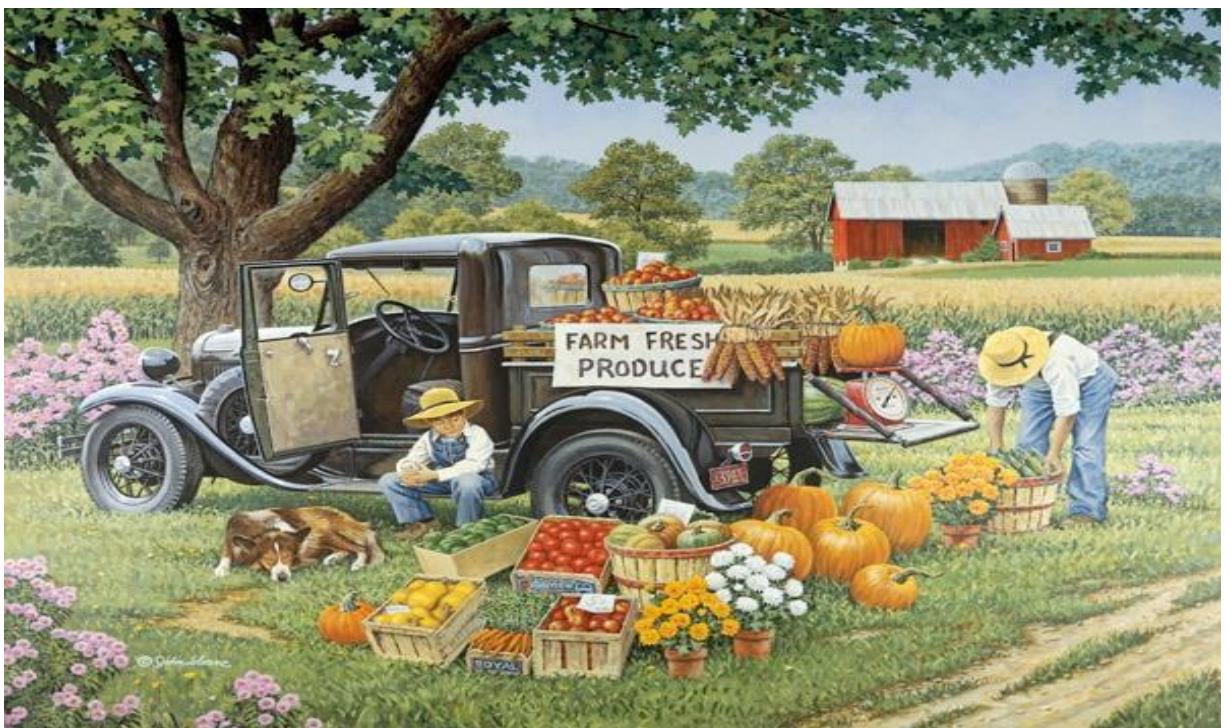
После завершения сплошной коллективизации самостоятельные единоличные крестьянские хозяйства были фактически ликвидированы. С этого времени и вплоть до возрождения фермерства в конце 80-х годов индивидуальное производство на селе осуществлялось главным образом вличных подсобных хозяйствах.

Экономические аспекты реформ основывались на том, что без нормального аграрного фундамента, без процветающего сельского хозяйства, Россия будет обречена на чахлую жизнь при постоянной «подкормке» в виде казенных заказов.

Век XX

Двадцатый век прошел под знаком химической атаки на биос, в том числе и на человека. В целях охраны биологического благополучия человека необходимо, прежде всего, изменить экологическую политику.

В 1990-м в Россию вернулись единоличные крестьянские хозяйства. Но, так как идеологами их внедрения были западники, то большинство предпочитает и западное название – фермеры. Однако, эта подмена, безобидная на первый взгляд, привела к отклонению от цели. Стремление к подражанию фермерства Запада не привело к повышению эффективности российского производителя России. Почему?

Юные фермеры. Джон Слоун

Суть фермерства Запада – специализация на каком-то одном виде продукции. Отсюда и подход к оценке эффективности: урожайность с 1 га, надои на 1 корову. Они в России в 2-3 раза хуже, чем на Западе. Отсюда и главная аргументация идеологов фермерства: мол, плохо осваиваем западную специализацию.

На первый взгляд такие аргументы вроде бы правильны. Да и звучат привлекательно. И, гипотетически - выполнимы. Поднатужившись, можно купить на Западе самую современную технику, приобрести самые элитные семена растений и самые продуктивные породы животных. Но будем ли мы в России иметь такую же продуктивность, как на Западе?

Нелишне проблему рассмотреть предметно. Ведь работают не благие намерения идеологов, а конкретные люди, на конкретной земле.

Плюсы и минус российского фермерства

Мне бы хотелось сказать несколько слов об основных преимуществах и недостатках фермерского хозяйства. Давайте посмотрим, что хорошего и плохого в этой разновидности бизнеса, а начнем, пожалуй, с преимуществ.

Первое – работа на свежем воздухе способствует повышению работоспособности и приносит много пользы здоровью.

Второе - потребление натуральных продуктов. Фермеры потребляют натуральную сельхозпродукцию, выращенную самостоятельно. Это является неоспоримым преимуществом, поскольку здоровье – это основной жизненный актив человека, зависящим от качества употребляемых продуктов.

Третье - ведение семейного бизнеса. Нередко фермерское хозяйство организуется в виде семейного бизнеса. При этом фермерством занимается вся семья, и у каждого члена семьи есть определенные обязанности. В условиях современной жизни это крайне удобно и эффективно.

Майлз Беркет Фостер. Сбор урожая яблок

Четвертое - выбор направления деятельности. Фермерство может специализироваться на различных направлениях деятельности, в числе которых животноводство, птицеводство, рыбоводство, пчеловодство,

садоводство, овощеводство, а также выращивание зелени, зерновых культур или ягод. У каждого есть возможность выбрать направление, которое соответствует финансовым возможностям и предпочтениям.

Пятое - получение льгот при регистрации и обложении налогами. Очень часто фермерская деятельность регистрируется и облагается налогами на льготных условиях. В частности, небольшое хозяйство, которое производит продукты для своего потребления, не нужно регистрировать. Следовательно, нет необходимости платить налоги.

Мы только что рассмотрели основные преимущества фермерства. Как вы видите, их существует немало.

Теперь пришел черед поговорить о его недостатках, которых, как не прискорбно, также существует множество.

Первое и основное - фермерская деятельность является капиталоемкой разновидностью бизнеса, особенно, когда разговор идет о масштабном растениеводстве или животноводстве. Основным активом фермера является земля. Конечно же, стоимость гектара невысока, но ведь такими малыми площадями никто себя не ограничивает. К тому же, эффективное ведение фермерской деятельности является невозможным без использования спецтехники, стоимость которой просто огромная. Фермерское хозяйство не может сразу приносить доход.

Рассуждая о специфическом понятии рентабельности традиционных семейных хозяйств, еще знаменитый А. В. Чаянов в статье «К вопросу о теории некапиталистических систем хозяйства» писал, что трудовой доход – единственно возможная в крестьянском и ремесленном хозяйстве категория дохода, и что структурные особенности этих хозяйств вынуждают крестьян отказываться от «образа действий, диктуемого обычной формулой расчёта капиталистической прибыли»: «Не объективный арифметический расчёт максимально возможной чистой прибыли в соответствии с особенностями народно-хозяйственной конъюнктуры определяет приемлемость или неприемлемость тех или иных хозяйственных мер или процессов, а также всё содержание семейного хозяйства».

В случае с фермерством рассчитывать на первый существенный доход можно только через несколько лет, а до этого момента нужно еще дожить, удовлетворяя нужды. Фермерство подвержено плохому влиянию капризов природы. Следовательно, нужно заблаговременно готовиться к возможным убыткам.

Фермерскую деятельность невозможно временно оставить: у фермера нет возможности хорошо отдохнуть летом, особенно, если он занимается животноводством, как впрочем, и зимой. Скот, впрочем, как и теплицы,

нуждается в ежедневном уходе. Если не смотреть пристально хозяйственным взглядом - это может обернуться серьезными финансовыми потерями.

Фермерство – экономически сезонный бизнес. Основной доход предприниматель получает несколько раз в году. На протяжении оставшегося времени - одни расходы. По этой причине личными финансами нужно распоряжаться правильно и грамотно. Если не планировать, может наступить период «безденежья».

О кредитах. Современные банки неохотно кредитуют фермерскую деятельность, поскольку она в силу перечисленных выше факторов входит в зону риска. Следовательно, фермеру приходится рассчитывать на свои финансовые возможности.

О продаже и качестве сельхозпродукции. Процедура сбыта в большинстве случаев является сложнее производства. Фермерам постоянно приходится сталкиваться с бюрократическими процедурами, получать сертификаты качества и санитарные справки. Конечно же, можно обойтись и без этих документов, однако в этом случае получить хорошую прибыль не получится в силу отсутствия возможности сделать приличную наценку.

Экологически чистые продукты - что это такое?

В самом деле, что же это такое? В словаре С. И. Ожегова «чистый» определяется как «не содержащий ничего постороннего, без примесей» (С. И. Ожегов, «Словарь русского языка», изд. «Русский язык», Москва, 1990, стр. 883). Следовательно, экологически чистый продукт - это продукт, который не содержит посторонних примесей, в данном случае - веществ, которые могли бы проникнуть в этот продукт из загрязненной среды, из упаковки или же попасть в продукт в процессе его производства. И уж само собой подразумевается, что во всех этих случаях речь идет о веществах, неблагоприятно влияющих на здоровье.

Однако теперь, когда всем известно, что ДДТ был обнаружен; в теле пингвинов в Антарктиде, а диоксин содержится в материнском молоке, говорить об абсолютной экологической чистоте продуктов не приходится. Даже если при производстве, например, сельскохозяйственных продуктов не применялись пестициды или даже химические удобрения, с уверенностью говорить об экологической чистоте таких продуктов нельзя: а где гарантия, что в них не попало что-то из воздуха, с грунтовыми или поливными водами?..

Между тем, этикетки товаров пестрят надписями: «экологически «без химии»; чистый продукт»; «продукт произведен в экологически чистом районе»; продовольственных, так, тем более, большинстве случаев и кроется за рынке, быть замеченным, привлечь т. д.

Почему так получается и что кроется за такими заявлениями производителей? Причина все более широкого распространения маркировки продуктов как экологически чистых - стремление производителей привлечь внимание к своей продукции, «сыграв» на естественной обеспокоенности покупателей загрязнением среды и широким проникновением химии в технологические процессы производства, как и непродовольственных товаров. И только это с такой маркировкой: стремление выделиться на покупателя посулом. Но спросите у продавцов товаров, имеющих такую маркировку: «А чем вы это докажете?» И он не найдется, что ответить, так как документа, подтверждающего, что его продукция действительно является экологически чистой, у него нет. В лучшем случае он сообщает, что продукция произведена по безхимикатной технологии (что действительно может иметь место) либо сошлеется на высокое имя фирмы. Но даже при производстве по безхимикатным технологиям возможно загрязнение продукции другими путями, о чем мы уже говорили.

Единственный способ выяснить, содержится или не содержится в продукции вредные вещества, - выполнить соответствующие аналитические исследования. И они выполняются при гигиенической сертификации продукции. Но гигиеническая сертификация дает ответ лишь на один вопрос: является ли продукт безопасным.

Выдачу документа, подтверждающего экологическую чистоту, то есть полное отсутствие в продукте загрязняющих веществ, гигиенический сертификат не предусматривает, прежде всего, потому что в полном смысле слова экологически чистая продукция в наше время - это миф.

В современном мире нет экологически абсолютно чистых производств, если речь идет даже о фермерстве. И тут можно вести речь скорее о дружественных природной среде технологиях, об уровне загрязнения, или, если привязываться к термину «экологически чистая продукция», степени экологической чистоты.

Решить эту задачу и призвана экологическая сертификация продукции, являющаяся одним из направлений Системы сертификации качества.

Эталоны! Эталоны?

Химизация и индустриализация сельского хозяйства на наших глазах пришли к своему пику – генной инженерии, а также и к своему собственному отрицанию – появлению так называемого «экологического фермерства». То есть фермерства, добровольно отказывающегося от использования в сельскохозяйственном производстве всех и всяческих «средств химической защиты», лабораторно заготовленного семенного материала, искусственного

оплодотворения, агрессивной мелиорации, далеко не всегда приводящей к действительному и долгосрочному улучшению сельских угодий, и т. д.

Эта точка зрения рынка нисколько не исключает разумного правительственного регулирования с целью защиты интересов потребителей, но исключает необходимость гарантий эффективного уровня риска.

Портретные натюрморты от Джузеппе Арчимбольдо.

Проблема способности рынка обеспечить такое «полурегулирование» - это проблема возможности получить информацию о безопасности продукта. Потребитель приобретает информацию о продукте на основе личного опыта. С токсичными веществами дело обстоит таким образом, что скрытый период может оказаться весьма продолжительным и реакция рынка будет до некоторой степени неэффективной, причем устранить эту неэффективность довольно трудно.

В результате естественного стремления человека иметь на своем столе наиболее безопасную по его понятиям продукцию, на рынке появились «органические», «биологические» и тому подобные продукты, само наименование которых было призвано «откреститься» от химии, а также продукция, в рекламе которой использовано броское и желанное для потребителя словосочетание «экологически чистый» («экологически чистый продукт»; «продукция произведена в экологически чистом районе», и т.п.). Потребительский спрос, и особенно – в развитых странах, бурно реагирует на предложение «органических», «биологических» и «экологически чистых» продуктов, порождая стремительное развитие соответствующей ветви продовольственного бизнеса.

Выявление рискового или предрасположенного к созданию риска вещества имеет место при использовании продукта производства, а также при потреблении продукта с химическими добавками или при использовании пестицидов.

Практика опередила теорию, и «теория» теперь должна догонять, а интуитивно избранный потребителем путь ориентации на продукцию с особо высокими эколого-гигиеническими характеристиками должен быть поддержан соответствующей государственной политикой в области безопасности продовольствия, в том числе и экономическими мерами.

Теория предполагает, что рынок не будет иметь (и не должен иметь) однородный уровень безопасности всех продуктов. Различные потребители будут иметь различные «отвращения к риску».

С 1996 г. американцы широко потребляли, сами того не зная, генетически модифицированные продукты, наделенные бактериальными, вирусными и другими генами, которые не являются естественными для человеческой пищи. И как утверждают ученые, никто не пострадал.

Некоторые американцы заново пересматривают технологии, которые ранее считались полностью безопасными, т. к. накопилось достаточное количество свидетельств, доказывающих, что урожаи наносят больше вреда окружающей среде, чем предсказывали биотехнологические компании. Так, совсем недавно, было обнаружено, что генетические модифицированные сельскохозяйственные культуры способны уничтожить бабочку-данаиду.

Отдельные группы потребителей могут рисковыми, желающими купить подешевле, другие же - выше ценящими экологическую безопасность и предпочитающие покупать более дорогие продукты.

Таким образом, нужно найти продукты с изменяющимися уровнями безопасности, которые, одновременно существуя на рынке, отражают и удовлетворяют различные потребительские предпочтения в отношении риска. Вводя единый стандартный уровень риска и усиливая тем самым давление на все схожие производства, не следует ожидать эффективности от подобного вмешательства. Однообразная безопасность продуктов менее эффективна, чем единообразная безопасность.

Американские активисты регулярно наносят вред посевам генетически разработанных сельскохозяйственных культур. Сети крупных бакалейных магазинов отказываются реализовывать модифицированные продукты. Производители продуктов питания нанимают лаборатории, проводящие анализ ДНК и дактилоскопические исследования для подтверждения, что в их продуктах нет инородных генов. Даже когда мы получаем некоторые сведения о наносимом ущербе, донести эти сведения до потребителя и указать соответствующий источник бывает затруднительно. Британская Медицинская Ассоциация предупреждает, что биотехнологии могут привести к появлению новых видов аллергии и ускорить эволюцию микробов, устойчивых к антибиотикам. Другие группы беспокоятся о том,

что эти генетически модифицированные сельскохозяйственные культуры могут способствовать появлению насекомых, невосприимчивых к инсектицидам, или «суперсорняков», устойчивых к гербицидам.

В то время как проверка взаимосвязи между купленными образцами и последующим изменением состояния здоровья в массиве потребителей, приобретавших эти продукты, может подтвердить некоторую предполагавшуюся корреляцию, достаточно трудно установить эту зависимость для индивидуального потребителя.

По идеи, правительство должно стремиться к безопасности, чтобы потребители получали адекватную информацию о рисковой продукции, а также к тому, чтобы устанавливать предпочитаемый уровень безопасности. Однако способы реализации этого стремления навязываются в качестве формального стандарта, например, в России, гигиенический сертификат, но не имеющий маркировки «экологически чистый», «органический» или «биологический» продукт.

Потребитель, конечно же, имеет право на всю полноту информации о безопасности продукции, которой располагают профессионалы, но сначала в этой информации должны разобраться сами профессионалы, приведя ее в систему, отвечающую требованиям науки, и по возможности, на основе этой системы предложив унифицированные критерии «экологической чистоты», понятные потребителю и не вводящие его в заблуждение.

A у нас?

В России развал колхозно-совхозной аграрной системы опередил становление новых форм хозяйствования. Фирмы, занимающиеся экспортом продовольствия, стремятся закупать сравнительно дешевые продукты, что оказывается, естественно, на их качественных характеристиках. Природно-климатические условия делают возможной и целесообразной более низкую калорийность традиционных продуктов питания, принимаю во внимание, скажем, особенности антропометрических характеристик населения, следует учитывать также ограничения, налагаемые религиозными и национальными обычаями.

Кстати, если мы уже коснулись вопросов сравнительной биологической ценности, то необходимо рассмотреть традиционные национальные рационы населения Арктики. До сих пор сохраняются некоторые специфические черты, особенно у той части населения, которая занята в исконно национальных отраслях хозяйства – в оленеводстве, морском зверобойном промысле. Потребление мяса моржей зверобоями Чукотки в 3 раза превышает традиционный средний уровень потребления мяса населением. Между тем, в настоящее время на всей территории России

действуют единые гигиенические регламенты загрязнения мяса, ориентированные на средний для России уровень его потребления, и в перечне тех видов мяса, для которых установлены регламенты, нет ни мяса моржей, ни оленины. Следовательно, если содержание, например, кадмия – находится в свинине в пределах ПДК, ориентированного на потребление 90 килограммов в год, то при потреблении 270 килограммов, поступление кадмия с мясом моржей может выйти за пределы безопасности. А так как поедаемые моржами моллюски являются концентриаторами кадмия, то его поступление в организм зверобоев может существенно выйти за пределы безопасности даже при относительно невысоком потреблении мяса моржей. То же можно сказать и о потреблении оленеводами мяса оленей, но только применительно к радионуклидам. Все это свидетельствуют о том, что для обеспечения безопасности нужны специальные гигиенические регламенты, с одной стороны, и с другой – строить экономическую политику арктических регионов, с учетом большей ранимости окружающей среды этих регионов.

Вместо заключения

Фермер у себя на земле должен управлять возможностями, а не бороться с последствиями. Природа совершенна и в ней не надо ничего улучшать, из земли надо извлекать пользу, а не эксплуатировать ее и при этом всячески поддерживать у себя на земле баланс экосистемы.

Сегодня всем нам нужно мужество для того, чтобы понять и осмыслить, а затем - действием преодолеть всю глубину стоящих проблем.

Экологических, социальных, нравственных...

Об этом еще раз напомнил гордиев узел российского фермерства.

Елена Есина